

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.73

ВОСПОМИНАНИЕ КАК ПРАЗДНИК: К ПОЭТИКЕ КНИГИ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»

© Н. А. Гриднева

Гриднева
Наталья Александровна
кандидат
филологических наук
доцент кафедры лингвистики,
межкультурной
коммуникации и русского
языка как иностранного
Самарский государственный
технический университет
e-mail: n.gavrilina83@mail.ru

В статье представлен анализ книги Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» сквозь призму теории праздника. Опираясь на работы, изучающие природу праздника в разных плоскостях и с разных точек зрения, автор статьи стремится найти в тексте книги разного рода «проекции» метафоры праздника, послужившей названием книги писателя.

Ключевые слова: Хемингуэй, праздник, карнавал, фиеста, заглавие (заголовок).

Книга Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» («A moveable feast») — «книга мемуаров», или «книга воспоминаний», как чаще всего она определяется критиками, — увидела свет уже после смерти своего знаменитого автора, в 1964 году. Заголовок, под которым она получила всемирную известность, был предложен другом и биографом писателя А. Е. Хотчнером. Он вспомнил об одном из писем Э. Хемингуэя, строки из которого стали в итоге и источником для заглавия, и эпиграфом к новой книге: «If you are lucky enough to have lived in Paris as a young man, then wherever you go for the rest of your life, it stays with you, for Paris is a moveable feast»¹.

О соответствии предложенного А. Е. Хотчнером заголовка оригинальному творческому замыслу Э. Хемингуэя, конечно, можно спорить, — точнее, в таком соответствии никак нельзя быть уверенным до конца. Тем не менее, сколько бы

¹ Hemingway E. A moveable feast. London: Arrow books, 2004. P. 3.

споров ни велось вокруг этой книги, ее заголовок ни разу не становился предметом жарких дискуссий. В том числе, и Ш. Хемингуэй, внук писателя, подготовивший второе, так называемое «восстановленное издание» книги (2009) и подвергший жесточайшей критике результат редакторской работы А. Е. Хотчнера и М. В. Хемингуэй, сохранил прежнее заглавие, не высказав по этой части никаких претензий.

Конечно, нельзя не заметить, что между упомянутым письмом (1950) и самой книгой, целенаправленную работу над которой писатель, по свидетельству М. Хемингуэй, начал лишь осенью 1957 года, имеется заметный хронологический разрыв. Однако важно, что отношение к Парижу и парижскому периоду своей жизни (а именно это является темой и книги, и письма) сформировалось у писателя задолго до 50-х годов. В любом случае, авторская метафора Э. Хемингуэя (по замечанию А. Е. Хотчнера, всегда «очень внимательного к словам, которые писал»²) нисколько не кажется инородной тексту книги, ее замыслу. Напротив, это как раз тот случай, когда книга, по образному выражению С. Д. Кржижановского, читается как «развернутое до конца заглавие», заглавие же воспринимается как «стянутая до объема двух-трех слов книга»³. Все это свидетельствует о неслучайности выбранного А. Е. Хотчнером заголовка и, как следствие, наличии в книге некоего «праздничного кода».

Именно этот аспект является предметом нашего внимания в данной статье. Наша цель – рассмотреть некоторые стилистические и содержательные особенности книги Э. Хемингуэя с точки зрения теории праздника и, таким образом, в общих чертах раскрыть ее «праздничную» философию. Предлагаемый подход к интерпретации книги, хоть он отнюдь не кажется неожиданным, тем не менее, в критике фактически не представлен. В частности, отечественные исследования последних лет, посвященные «Празднику», касаются главным образом соотношения в этой книге документального и художественного, особенностей ее пространственной организации, образа Парижа и образов известных людей (Э. Паунд, Ф. С. Фицджеральд, Г. Стайн и др.), темы «потерянного поколения»⁴. Тема праздника, однозначно, не входит в число наиболее обсуждаемых. Между тем, она представляется нам очень интересной. Праздник – это настоящий феномен: неслучайно его изучением занимаются представители многих дисциплин – философии, культурологии, этнологии, социологии, психологии, фольклористики и др.

² Hotchner A.E. Don't Touch "A moveable Feast" // The New York Times. 2009. July 19. URL: <https://www.nytimes.com/2009/07/20/opinion/20hotchner.html> (дата обращения: 10.02.2019).

³ Кржижановский С. Д. Страны, которых нет. М. : Радикс, 1994. С. 13.

⁴ См.: Аncyфeрoвa O. Ю. Соотношение художественного и документального в книге Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 75–79; Павлова Е. В. "Roman a clef" Хемингуэя. С. Ф. Фицджеральд и Э. Хемингуэй // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3-2. С. 132–137; Нестер Н. В. Портрет Эзры Паунда в «Автобиографии Элис Би Токлас» Г. Стайн и «Празднике, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 32–37; Набилкина Л. Н. Париж в восприятии Э. Хемингуэя и С. Ф. Фицджеральда // European Social Science Journal. 2011. № 12 (15). С. 178–182.

Попытка интерпретировать книгу Э. Хемингуэя сквозь призму теории праздника открывает, на наш взгляд, новые перспективы для более глубокого осмысления замысла автора и его философии. Заметим, что «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя относится к последнему — наименее исследованному — периоду его творчества (1940-1950-е годы). Произведения этого периода (в частности, те, которые были опубликованы после смерти своего автора, — «Праздник, который всегда с тобой», «Острова в океане», «Райский сад», «При первом свете дня») до сих пор не получили глубокой и всесторонней интерпретации и нуждаются в интеграции в целостную систему творчества писателя⁵. В связи с этим обращение к данной книге Э. Хемингуэя кажется нам весьма актуальным.

Moveable feast — это церковный термин, означающий переходящий, или подвижный, скользящий праздник, т. е. это христианский праздник с нефиксированной календарной датой, день празднования которого зависит от Пасхального цикла, т. е. определяется отдельно для каждого церковного года. У Э. Хемингуэя нерелигиозный контекст делает изначально ограниченную Пасхальным циклом и обусловленную многовековой традицией временную подвижность переходящего праздника абсолютной и немотивированной. По этой причине становится невозможным буквальное понимание самого слова *праздник*, т. к. в случае с настоящими, в т. ч. переходящими, праздниками такое исключено. Праздник, неизменно посвященный некоему событию, не может отмечаться в какой угодно день и по какому угодно поводу: «время праздника — не праздно, оно предопределено»⁶.

Так что же имел в виду Э. Хемингуэй? Автор одной из рецензий на книгу, Е. Чижова пишет: «Праздником, который всегда с тобой, для автора являлся не только прекрасный Париж, но и тот подход к жизни, которым он жил в то время, — простота, честность, трудолюбие и наслаждение малым в служении большому, ценность момента, природы и общения с простыми людьми»⁷.

К. Симонов, рассуждая о «Празднике», также экстраполирует фигурирующую в заглавии метафору на образ жизни Хемингуэя в Париже, на его систему ценностей, говоря, прежде всего, о его увлеченности творчеством и трудолюбии: «Конечно, это книга о Париже 20-х годов и книга о своей молодости... Но прежде всего эта книга о своем труде. ... Это книга о месте труда в жизни человека, об упорстве, счастье и тяжести труда и о бессмысленности человеческого существования, лишённого этого "праздника, который всегда с тобой"»⁸.

⁵ *Балонова М. Г.* Проблема героя в позднем творчестве Э.Хемингуэя (40-50-е гг.) : дис. ... канд. филол. н. Н. Новгород : НГПУ, 2002. 205 с.

⁶ *Каверина Е. А.* Праздник как эстетический и социальный феномен // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 119–122.

⁷ *Чижова Е.* Рецензия на книгу Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». URL: <https://libs.ru/publication/12325/> (дата обращения: 10.02.2019).

⁸ *Хемингуэй Э.* Праздник, который всегда с тобой / автор предисловия, комментариев С. Капелуш. М. : Вагриус, 2003. С. 10.

⁹ *Ванченко Т. П.* Смысловая основа массового праздника // Аналитика культурологии. 2008. № 10. С. 18-30.

Рассуждая в этом ключе, под *праздником*, если быть точнее, следует, вероятно, понимать радость, а под его *подвижностью* — способность радоваться каждому дню и, наполняя его высоким смыслом, счастливо ощущать ненапряженность собственного существования. Праздник всегда с тобой потому, что ты сам творец этого праздника, носитель особого взгляда на мир, позволяющего видеть прекрасное в обыденном, большое в малом. Книга пронизана светлым радостным чувством, заряжена позитивной эмоциональностью, и это, несомненно, вызывает ассоциации с праздником, ключевой категорией которого многими исследователями признается именно его гедонистичность.

Впрочем, если соотносить заглавную метафору с парижской жизнью писателя, то в книге можно найти много чего *праздничного*: от регулярных возлияний, традиционно рассматриваемых как важный элемент праздника, берущий свое начало еще в дионисийских культах, и чувства общности и единения с единомышленниками, демонстрирующего консолидирующую функцию праздника в действии, до самого жизнелюбия героя, которое превращает каждый его день в праздник — в праздник как «ритуал поклонения жизни, в ее наивысшем проявлении»⁹. Бедность и, как следствие, бытовая неустроенность, даже голод, не становятся для Хемингуэя [героя] препятствием для того, чтобы чувствовать себя счастливым. В конце концов, «только смерть непоправима», — утверждает он на страницах книги. И такой подход выдает его огромную любовь к жизни, желание и способность наслаждаться ею, по-настоящему ценить хорошее в ней и не видеть в плохом веского повода для печали: «"You're marked for Life." He [Ernest Walsh] capitalized the word»¹⁰.

Однако если интерпретировать заглавную метафору, более точно ориентируясь на смысл этих слов, заложенный самим Хемингуэем в письме другу, и пытаясь найти проекцию этой идеи в книге, то у *праздника, который всегда с тобой*, появляется несколько иное измерение.

В строках письма, как можно заметить, подвижность праздника не ограничивается пределами Парижа, причем как в пространственном плане («wherever you go»), так и во временном («for the rest of your life»). Праздник, хоть и непосредственно увязывается с Парижем, проявляет свою мобильность именно за его пределами, наступает по отъезде из него. Таким образом, под *праздником, который всегда с тобой*, следует, вероятно, понимать память о Париже, память о городе твоего прошлого счастья, которая, понятно, навсегда останется при тебе.

Эта мысль находит выражение и в книге, в частности, в ее последней главе — «Париж никогда не кончается» («There is never any end to Paris»). Смысл, вложенный в слова, вынесенные в подзаголовок, раскрывается автором в двух последних абзацах книги. В частности, он пишет: «There is never any ending to Paris and the memory of each person who has lived in it differs from that of any other. We always returned to it no matter who we were or how it was changed or with what difficulties, or ease, it could be reached»¹¹.

¹⁰ Hemingway E. A moveable Feast. London: Arrow Books, 2004. С. 46.

¹¹ Ibid. P. С. 139.

Таким образом, заявленная в подзаголовке бесконечность французской столицы обнаруживается в возможности многократного возвращения туда — реального и мысленного (т. е. в памяти, в воспоминаниях). Собственно, сам предлог *to*, значение которого фактически не отражено в русском переводе, подразумевает именно движение к цели (куда-либо), которое в рамках сюжетной хронологии можно трактовать только как возвращение — бесконечное возвращение назад, к Парижу.

Сама идея возвращения является одной из важнейших в структуре праздника, в частности, что касается сущности праздничного времени. Так, описывая праздничное время, А. И. Мазаев замечает, что хоть оно в какой-то мере и соотносимо с вечностью, но в нем, в отличие от вечности как «окончательно затвердевшего», «остановившегося навсегда времени» всегда есть некоторое движение — это «движение возврата к одному и тому же истоку»¹². Такое *праздничное* времяощущение поддерживается самой темой книги: воспоминания Э. Хемингуэя о начале своего пути в большую литературу оказываются созвучны лежащим в основе праздника архетипу «вечного возвращения» к начальным временам, идее возврата к мифологическому Началу.

Конечно, Париж «всегда оставался Парижем» и «ты всегда получал сполна за все, что отдавал ему», но, все же, он «уже никогда не станет таким, каким был прежде», таким, «каким он был в те далекие дни, когда мы были очень бедны и очень счастливы»¹³. И именно этот Париж, сохранившийся в памяти и оживающий вновь и вновь в радостных воспоминаниях, становится для Хемингуэя праздником. Его потребность возвращаться туда (реально и мысленно) очень понятна, ибо человек выходит из праздника иным, нежели вошел в него: «Многое меняется принципиально и необратимо. Человек уже никогда не сможет стать прежним, каким он был до праздника. Он испытал нечто такое, что изменит его навсегда и заставит опять возвращаться в праздник и снова искать утерянное блаженство»¹⁴.

В главе «Конец одного увлечения» («The End of an Avocation») Э. Хемингуэй пишет: «...everything good and bad left an emptiness when it stopped»¹⁵. О такой пустоте писатель говорит дважды: первый раз, описывая то чувство, которое он всегда испытывает по завершении очередного рассказа, и второй раз, вспоминая, что ощутил, когда был вынужден перестать играть на любимых скачках. Вероятно, именно то же чувство — чувство внутренней опустошенности — испытывает он и по окончании «первого периода жизни в Париже», о котором он, словно подводя итог, сообщает в конце книги: «This was the end of the first part of Paris»¹⁶.

¹² Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М. : Наука, 1978. С. 88.

¹³ Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой, 2003. С. 291.

¹⁴ Гурин С. П. Проблемы маргинальной антропологии. Саратов : Изд. центр СГСЭУ, 1999. С. 100.

¹⁵ Hemingway E. A moveable Feast, 2004. P. 34.

¹⁶ Ibid. P. 140.

Ощущение внутренней пустоты рассматривается многими специалистами как необходимое условие «прорыва к трансцендентному измерению», который во многом составляет саму суть праздника, «потаенно причастного к неким высшим стихиям бытия, не “естественным”, а “сверхъестественным”»¹⁷. Основопологающее для понимания праздника его противопоставление будням предполагает, прежде всего, именно его пустоту — как свободу от работы, бытовых забот, мыслей об обыденном и преходящем. В. Ю. Даренский в статье «Философия: “праздник, который всегда с тобой”» пишет: «“праздновать” означает, как выразился бы М. Хайдеггер, “освободить в себе место пространству”, а говоря по-христиански, “праздновать” — это значит, ощущать в себе ту “пустоту”, которая требует заполнения Духом Святым, ибо ничто иное ее заполнить никогда не сможет»¹⁸. О том же говорит В. В. Давыдова, которая видит предназначение «пустого места праздника» в том, чтобы, остановив бесконечный круг забот, «впустить в себя Сверхъестественное, Божественное», «прислушаться к глубинному голосу бытия»¹⁹.

В книге Э. Хемингуэя образовавшаяся пустота становится пространством воспоминаний, которые позволяют ему вновь подарить себе ощущение счастья, повторно пережить драгоценные моменты чистой радости и узреть их глубинный, можно сказать, экзистенциальный смысл. Таким образом, сами воспоминания становятся для него праздником. Их праздничность проявляется, в том числе, в заметной идеализации, или даже мифологизации, изображаемого автором мира, которая многих ученых заставляет оценивать книгу именно как художественную, а не документальную прозу. Так, А. Кейзин, автор одной из самых ранних рецензий на «Праздник», называя книгу «мифом», уточняет, что мифом она является «не потому, что события в ней не правдивы, а потому что сам автор лелеет их и вспоминает о них с такой любовью»²⁰.

К идеализации как таковой можно относиться по-разному: можно, вслед за многими критиками, увидеть в ней весьма типичную для Э. Хемингуэя попытку автомифологизирования, а можно, как это делает, например, А. Фил-рейз, угледеть в ней иронию и самоиронию писателя, который «именно здесь ближе всего подходит к самопародированию»²¹. Так или иначе, с позиций праздника идеализация описываемых событий и, прежде всего, себя самого выглядит понятной и органичной: в празднике, как описывал праздничный мир карнавала М. М. Бахтин, «идеально-утопическое и реальное временно сливаются»²². Даже если читатель

¹⁷ Юдин Н. Л. Философичность праздника и праздничность философствования // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 2 (№№ 63-64). С. 226–235.

¹⁸ Даренский В. Ю. Философия: «праздник, который всегда с тобой» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 2 (12). С. 3–16.

¹⁹ Давыдова В. В. Онтологическое поле праздника // Вопросы культурологи. 2009. № 6. С. 61–64.

²⁰ Kasin A. Hemingway as his own Fable // Atlantic monthly. 1964. June. URL: <https://www.theatlantic.com/past/docs/issues/64jun/6406kazin.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

²¹ Filreis A. Ideas for Teaching Hemingway's A moveable Feast. URL: <http://writing.upenn.edu/~afilreis/88/moveable-feast-ideas.html> (дата обращения: 10.02.2019).

²² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. С. 8.

видит на страницах книги Хемингуэя не таким, каким он действительно был раньше, а таким, каким он спустя годы мечтал видеть себя в прошлом, важно, что мечты писателя — о высоком, о самом важном на земле. Это дает его празднику необходимую «санкцию из мира высших целей человеческого существования», о которой писал М. М. Бахтин²³.

Этим же хемингуэевский *праздник, который всегда с тобой*, отличается, в частности, от *непрерывной фиесты* богачей, которые появляются в последней главе. Взятые вне контекста книги, эти метафоры, как видно, обнаруживают заметную семантическую близость, но в «Празднике» они друг другу отнюдь не синонимичны.

Итак, описывая богачей, их подход к жизни, автор дважды использует это слово, *fiesta*, и, один раз самый близкий ему из возможных синонимов *festival*, так что этот образ, однозначно, не случаен. Фиеста традиционно увязывается с маскарадом, карнавалом и потому содержит в себе намек на некую фальшь, ложное подобие, стремление выдать себя не за того, кто ты есть на самом деле. Неслучайно Хемингуэй обманывается: «добрыми, милыми, обаятельными, благородными, чуткими» представляются ему богачи, которые «каждый день превращают в фиесту, а насытившись, уходят дальше, оставляя позади мертвую пустыню, какой не оставляли копыта коней Аттилы»²⁴. Более того, читатель, знакомый с первым романом писателя, за которым, собственно, и приезжают богачи, — «Фиеста. И снова восходит солнце» — увидит в их «представлении о жизни как о непрерывной фиесте» душевную болезнь «потерянного поколения». Фиеста богачей — это бесконечное гулянье, за которым, возможно, стоит попытка заполнить внутреннюю пустоту доступными развлечениями, избавиться от гнетущего чувства, что жизнь, лишенная высоких целей, проходит впустую.

В этом отношении весьма интересна, как нам кажется, цитата из Т. Парсонса, которую приводит в своей монографии М. М. Видгоф, рассуждая о критерии подлинности/мнимости в мироощущении праздничности: «Алкоголь, наркотики и изысканная пища могут вызывать эйфорическое или спокойное чувство счастья, а медицинское исследование может обнаружить, что они вредны для тела и ума. Можно чувствовать себя благополучно, не будучи благополучным, а ощущать удовольствие — не то же самое, что обладать благом»²⁵. В то время как Хемингуэй, предаваясь воспоминаниям, переосмысливает свой жизненный опыт, раскрывает для себя его ценность, приближается к познанию некоторых истин, самой жизни, богачи, предаваясь веселью, напротив, стремятся не к познанию, а к самообману, не обретают, но растрачивают себя, уходя от тех вещей, которые только и способны придавать жизни смысл.

Итак, как видим, праздник Хемингуэя — это, прежде всего, радость светлых воспоминаний о городе своего прошлого счастья. Как замечает один из ведущих исследователей творчества писателя О. М. Мендельсон, «страстное желание

²³ Там же. С. 6.

²⁴ Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. С. 322.

²⁵ Видгоф М. М. Целостная модель человеческой эмоциональности. Опыт философской реконструкции. Томск : ТГУ, 2001. С. 62.

рассказать о Париже начала 20-х годов возникло у Хемингуэя тогда, когда он впервые поселился в этом городе»²⁶. Воспоминания о французской столице, о людях и событиях, с ней связанных, были, несомненно, чрезвычайно дороги писателю на протяжении всей его жизни. *Праздник, который всегда с тобой*, — есть удивительное по своей емкости и меткости выражение этой нежной привязанности к Парижу, своего рода объяснение в любви, незримо присутствующее на страницах хемингуэевской книги в виде той «лирической дымки», которую многие критики склонны определять как ее главную центростремительную силу, объединяющую воедино отдельные очерки и зарисовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова О. Ю.* Соотношение художественного и документального в книге Э.Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 75–79.
2. *Балонова М. Г.* Проблема героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя (40-50-е гг.) : дис. ... канд. филол. н. Нижний Новгород : НГПУ, 2002. 205 с.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Эксмо, 2015. 640 с.
4. *Ванченко Т. П.* Смысловая основа массового праздника // *Аналитика культурологии*. 2008. № 10. С. 18–30.
5. *Видгоф М. М.* Целостная модель человеческой эмоциональности. Опыт философской реконструкции. Томск : ТГУ, 2001. 90 с.
6. *Гурин С. П.* Проблемы маргинальной антропологии. Саратов : Изд. центр СГСЭУ, 1999. 182 с.
7. *Давыдова В. В.* Онтологическое поле праздника // *Вопросы культурологии*. 2009. № 6. С. 61–64.
8. *Даренский В. Ю.* Философия: «праздник, который всегда с тобой» // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2012. № 2 (12). С. 3–16.
9. *Каверина Е. А.* Праздник как эстетический и социальный феномен // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 119–122.
10. *Кржижановский С. Д.* Страны, которых нет. Москва : Радикс, 1994. 157 с.
11. *Мазаев А. И.* Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М. : Наука, 1978. 393 с.
12. *Мендельсон М. О.* Анализ романа «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя // *Иностранная литература*. 1964. № 7. С. 29–31.
13. *Набилкина Л. Н.* Париж в восприятии Э. Хемингуэя и С. Ф. Фицджеральда // *European Social Science Journal*. 2011. № 12 (15). С. 178–182.
14. *Нестер Н. В.* Портрет Эзры Паунда в «Автобиографии Элис Би Токлас» Г. Стайн и «Празднике, который всегда с тобой» Э.Хемингуэя // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки*. 2013. № 2. С. 32–37.
15. *Павлова Е. В.* «Roman a clef» Хемингуэя. С. Ф. Фицджеральд и Э. Хемингуэй // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 3-2. С. 132–137.
16. *Хемингуэй Э.* Праздник, который всегда с тобой / автор предисловия, комментариев С. Капелуш. Москва : Вагриус, 2003. 330 с.

²⁶ *Мендельсон М. О.* Анализ романа «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя // *Иностранная литература*. 1964. № 7. С. 29–31.

Н. А. Гриднева

17. *Чижова Е.* Рецензия на книгу Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». URL: <https://libs.ru/publication/12325/> (дата обращения: 10.02.2019).
18. *Юдин Н. Л.* Философичность праздника и праздничность философствования // *Личность. Культура. Общество.* 2011. Том XIII. Вып. 2 (№№ 63-64). С. 226–235.
19. *Filreis A.* Ideas for Teaching Hemingway's A moveable Feast. URL: <http://writing.upenn.edu/~afilreis/88/moveable-feast-ideas.html> (дата обращения: 10.02.2019).
20. *Hemingway E.* A moveable Feast. London: Arrow Books, 2004. 144 pp.
21. *Hotchner A. E.* Don't Touch "A moveable Feast" // *The New York Times.* 2009. July 19. URL: <https://www.nytimes.com/2009/07/20/opinion/20hotchner.html> (дата обращения: 10.02.2019).
22. *Kazin A.* Hemingway as his own Fable // *Atlantic monthly.* 1964. June. URL: <https://www.theatlantic.com/past/docs/issues/64jun/6406kazin.htm> (дата обращения: 10.02.2019).